

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

**АЛЕЙНИКОВА
ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА**

ОДИНОЧЕСТВО: ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Специальность 24.00.01 - теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Санкт-Петербург
2005

Работа выполнена на кафедре философии и культурологии института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей социальных и гуманитарных наук - Республиканского гуманитарного института (ИППК-РГИ) Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Марков Борис Васильевич

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Журавлев Олег Владимирович
кандидат философских наук, доцент
Дорофеев Даниил Юрьевич

Ведущая организация: Санкт-Петербургская Лесотехническая
академия им. С.М. Кирова

Защита состоится « 8 » сентября 2005 года в 16 часов на заседании диссертационного совета Д.212.232.11 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034, Санкт-Петербург, В.О., Менделевская линия, д. 5, философский факультет, ауд. 159

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета

Автореферат разослан « 5 » июня 2005 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
Доктор философских наук, доцент

Е.Г.Соколов

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования

Сложные и противоречивые коллизии XX века выдвинули на первый план целый спектр социальных и экзистенциальных проблем, к числу которых, несомненно, принадлежит проблема одиночества. Действительно, в традиционных культурах индивид оставался включенным в систему жестких социальных связей, которые, с одной стороны, не давали возможности автономии личности, но с другой стороны, препятствовали распространению феноменов отчуждения и одиночества. В эпоху становления буржуазных отношений стал активно развиваться процесс формирования «атомарного индивида». Атомарность привела к разрыву системообразующих связей в системах человек-человек, человек-культура, человек-общество. Тем самым подверглись деструкции сами основания бытия человека в мире, что привело к оформлению как целого ряда новых экзистенциалов человеческого бытия, так и форм их социального проявления.

К числу последних принадлежат такие явления социальной действительности, как появление и распространение массовых форм культуры, деградация институтов брака и семьи, anomia, всеобщая апатия и равнодушие, тяготение политических режимов к тотальным формам контроля над всеми сферами социальной жизни и индивидуальной активности. Все они принадлежат к числу заметных сторон жизни современного человека, и потому их исследование остается на настоящий момент своевременным и актуальным. Настоящая работа представляет собой попытку философского и культурологического анализа феномена одиночества.

Одиночество - сложный социально-духовный феномен, затрагивающий саму суть человеческого бытия. Оно представляет собой такое явление, экзистенциальный смысл которого, казалось бы, отчетливо представляется даже обыденному сознанию. Однако за подобной ясностью скрывается сложное и противоречивое философское содержание. Неслучайно, что в современной науке нет единой точки зрения на природу и сущность одиночества, а также на причины его появления.

Актуальность представленного исследования усиливается еще и тем, что широкое распространение феномена одиночества приводит к утрате идентичности человека, размыванию его ценностной мотивации, а значит, препятствует выстраиванию стратегий личностного и культурного развития. В перспективе становится невозможным духовное творчество, направленное на формирование новых состояний социума, более соответствующих чаяниям и представлениям людей о достойном будущем. Другими словами, феномен одиночества имеет отношение не только к экзистенциальной, но и культурно-исторической динамике личности и общества.

Изучение совокупности многочисленных проявлений одиночества, порождающих его причин, представляют собой междисциплинарную научную задачу. Ни одна из гуманитарных наук сама по себе не располагает всеми понятийными и научными средствами, которые необходимы для освещения этого феномена. Культурологический аспект изучения проблемы одиночества предполагает методологическую целостность, поскольку обращается к разнородному научному опыту (философия, социология, психология, история, искусствоведение). Рассмотрение одиночества в таком направлении представляется перспективным в исследованиях феномена человека. Оно вполне сочетается с тем, что было достигнуто ранее в области изучения этой проблемы и вместе с тем позволяет системно и целенаправленно подходить ко многим важным аспектам изучения человека, его жизнедеятельности, культуры. Однако до настоящего времени ни сам феномен одиночества, ни способ его бытия в культуре недостаточно изученными.

Состояние научной разработанности темы

Концептуальные положения изучения одиночества складываются в начале XX века, хотя и в античной философии встречаются высказывания о нем. Платон и Аристотель, считая одиночество негативным явлением, предлагают способы преодоления

его в наслаждении благом дружбы и любви. В работах мыслителей Нового времени, Б. Паскаля, Г. Торо, Ф. Ницше предпринимается попытка рассмотрения противоречивой сущности одиночества и выделения его созидательного начала.

Большое внимание проблеме одиночества уделяется в философии экзистенциализма. Его сторонники Л. Шестов, Н. Бердяев, М. Бубер, А. Камю, Ж.-П. Сартр считают, что одиночество является неотъемлемым элементом существования человека. Представители феноменологической мысли Э. Гуссерль, А. Шюц, У. Садлер, П. Бергер и Т. Лукман обращают внимание на выявление содержательной стороны одиночества, рассматривая его как переживание.

Одиночество как психологический феномен изучается в трудах З. Фрейда, Дж. Зилбурга, Г. Салливана, Ф. Фромм-Рейхман, В. Франкла, Э. Фромма. Указанных авторов интересуют, прежде всего, вопросы одиночества как внутреннего специфического чувства и ощущения утраты духовного общения, вопросы длительности протекания одиночества и причины его возникновения. Утверждая, что человеку свойственна потребность в общении, они склонны считать одиночество патологией, ведущей к деградации личности.

Социологи Д. Рисмен, К. Баумен, Ф. Слейтер, У. Уорд и другие рассматривают проблему одиночества, главным образом, как потерю индивидом социальной связи. Они проводят многочисленные конкретные социологические исследования одиночества среди различных групп населения, акцентируя внимание на объективных внешних факторах одиночества и проблемы его измерения.

При изучении одиночества философы, социологи, социальные психологи, антропологи выделяют по меньшей мере три толкования: одиночество - это область эмоционального переживания; одиночество - это сложное состояние, овладевающее личностью целиком - чувствами, мыслями, поступками; одиночество - форма сознания. Вопрос об определении одиночества обсуждается в течение почти целого столетия, но так и не нашел своего единого решения. Это связано, прежде всего, с тем, что существуют две точки зрения относительно направленности одиночества: одни ученые признают негативную направленность, а другие, напротив - позитивную. Позитивная служит совершенствованию личности, проявлению ее самосознания, а негативная - разрушению личности. Поскольку одиночество очень противоречивый и многоликий феномен, то трудно дать ему универсальное и однозначное определение. Оценку негативных или позитивных последствий одиночества следует давать в контексте конкретных обстоятельств.

К настоящему времени в науке достаточно обстоятельно разработана проблема причин данного феномена. Э. Фромм обосновывает идею о том, что неудовлетворенность высших потребностей (потребность в уважении, в признании и в самореализации) является причиной одиночества. Другие исследователи усматривают причину одиночества в ускорении темпов жизни, в наличии условий, когда человек остается один в толпе (Д. Рисмен, О. Тоффлер); в утрате ценностей и смысла жизни (В. Франки). Нередко причиной одиночества называется трансформация общения в современном мире. Оно все больше становится деловым, утилитарно-функциональным и лишается теплоты, искренности, солидарности между людьми. Указываются и другие причины, что вполне объяснимо. Изменения социальной, экономической, политической, духовной жизни социума вносят коррективы в жизнь каждого человека и общности людей. Меняется уровень жизни, возраст человека, характер деятельности, социальное окружение, культурная среда - все это может способствовать возникновению одиночества.

Следом за причинами усиленно разрабатывается и вопрос о видах одиночества. Выделяются, как правило, такие виды одиночества, как внутреннее и внешнее, духовное и эмоциональное, личностное и социальное. Видимо, имеет смысл различать одиночество и уединение.

В России проблема одиночества становится предметом научного исследования сравнительно недавно. Как отмечает Н. Е. Покровский, «многие годы и десятилетия без особых доказательств мы принимали тезис о том, что одиночество - это неизбежный спутник отчуждения - присущ только западному миру, тогда как у нас в силу гуманистического характера социалистического общества одиночества быть не может». Лишь в 1980-е годы возникают первые попытки анализировать проблему одиночества, но, главным образом, в каком-либо прикладном аспекте - в связи с космосом, НТР, экстремальными условиями. Этому посвящены работы И. П. Волкова, В. И. Лебедева, Л. П. Гримака. В большинстве случаев они трактуют одиночество как состояние, угрожающее здоровью человека, приводящее к различным психозам и депрессиям и связанное с вынужденной изоляцией человека.

Исследуя проблемы самосознания и общения людей, И. С. Кон, А. Н. Леонтьев, Н. Е. Покровский, М. С. Каган рассматривают одиночество как сложный феномен, выделяя его объективные и субъективные стороны. Объективная сторона одиночества - это реальные общественные отношения, принимающие в определенных условиях деформированный характер. Субъективная - проявляется в психологическом состоянии личности, осознающей в социальных связях враждебное начало. Историко-культурные и ментальные характеристики одиночества находят свое отражение в трудах Т. М. Акиндиновой, В. М. Диановой, Д. Ю. Дорофеева, И. И. Евлампиева, О. В. Журавлева, С. Н. Иконниковой, Б. В. Маркова, Е. Г. Соколова, Ю. Н. Солонина, М. С. Уварова, Э. П. Юровской. Следует подчеркнуть, что в 90-х годах XX века интерес к проблеме одиночества в отечественной науке значительно возрос: в это время появляются отдельные статьи, брошюры, книги, диссертации, посвященные данной проблеме. Авторы изучают феномен одиночества с философских, нравственных, психологических и иных позиций.

Цель диссертации - провести философско-культурологическое исследование феномена одиночества, раскрывающее его многоликую природу и содержание как важного, противоречивого духовного состояния человека и социального явления.

В соответствии с данной целью поставлены следующие задачи:

- показать место проблемы одиночества в истории социально-философской мысли;
- систематизировать теоретико-методологические концепции одиночества;
- раскрыть понятие и сущность феномена одиночества, его положительные и отрицательные стороны;
- осуществить философско-культурологический анализ проблемы одиночества на примере русской ментальности.

Объект исследования. Сознание как феномен человеческого существования проявляет себя в многообразии своих форм. Часть таких форм сознания человек приобретает в результате как объективного (антропогенез), так субъективного (становление индивидуальности) развития. Другие формы сознания имманентны человеку и обусловлены его сущностными признаками. Несомненно, таким экзистенциальным свойством является социальность. Однако человек не может быть полностью растворён в обществе, поэтому ему присущи и оппозиционные по отношению к социальности, но так же имманентные формы существования, которые обуславливают соответствующие формы сознания. К числу таких форм сознания принадлежит одиночество, которое и выбрано в качестве объекта настоящего исследования.

Предмет исследования. Проблема одиночества имеет ярко выраженную особенность, обусловленную культурной спецификой. Ввиду важности объективного научного изучения изменений, охватывающих все сферы жизнедеятельности современного российского общества, предметом данной диссертационной работы выбран феномен одиночества в русской культуре XX века.

Теоретическую и методологическую базу диссертационной работы составляют труды видных отечественных и зарубежных философов, культурологов, социологов, социальных психологов. В качестве методологических оснований изучения проблемы одиночества автор использует единство исторического и логического подходов к изучению рассматриваемого явления, сочетание анализа и синтеза, единство индивидуального и социального, системный метод. Исследование одиночества проводится с использованием сравнительного философско-культурологического анализа.

Научная новизна диссертации предопределяется самим выбором в качестве предмета исследования проблемы одиночества, ранее редко попадавшей в сферу научного интереса культурологии, и состоит в следующем:

- проведен культурологический анализ основных текстов, посвященных проблеме одиночества;
- впервые рассмотрена проблема одиночества в контексте русской ментальности;
- показана специфика проявления одиночества в различных формах социальной практики;
- содержательно обогащена категория одиночества и ряд сопряженных с ней понятий, таких как уединение, автономия и независимость личности и др.;
- в ходе анализа продемонстрирована противоречивость феномена одиночества, отражены его негативные и позитивные стороны;
- произведена попытка систематизации имеющихся в научной литературе взглядов на одиночество и выработки целостной культурологической концепции.

Теоретическая и практическая значимость диссертации состоит в прояснении и расширении концептуального поля, фиксирующего культурные, социальные и экзистенциальные аспекты одиночества, что может быть использовано как при составлении программ социометрических исследований, так и для коррекции негативных эффектов, связанных с одиночеством. Выводы, полученные в исследовании, могут быть использованы при подготовке спецкурсов по различным гуманитарным дисциплинам.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Одиночество есть имманентная человеку форма сознания, более того акт и продукт самосознания. Человек как личность начинается с рефлексии над собственным одиночеством. Именно в одиночестве развивается процесс самопознания и нарастает потребность обретения идентичности человека.

2. Одиночество есть социальное явление. В человеке как существе, исторически развивавшемся в больших группах, филогенетически закрепились потребность к постоянному общению с себе подобными, потребность связи с окружающим миром. Одиночество как феномен возможен в контексте этой потребности.

3. Одиночество - сложный и противоречивый феномен. Его противоречивость заключается, прежде всего, в том, что человек испытывает две противоположные потребности: с одной стороны, это потребность в общении и стремление избежать своего одиночества, с другой стороны, потребность в уединении, обособлении, добровольном стремлении к одиночеству.

4. Одиночество имеет культурную ценность. Одиночество ценно, поскольку потенциально предполагает момент творения. Во-первых, в момент своего одиночества человек творит самого себя, во-вторых, он творит культуру: систему идеалов и ценностей, наконец, создает произведения искусства.

5. Смысловое пространство одиночества находится в постоянном развитии, отражая на каждом историческом этапе в своем содержании интегральные знания о мире и о себе. По мере усложнения жизненного мира человека, проникновения в познание своего субъективного мира, проблема одиночества перерастает из сугубо личной в общепризнанный факт человеческого бытия.

6. Распространение социального одиночества связано с кризисными моментами в развитии общества на всех этапах становления его истории. Кризис культуры в значительной мере влияет на духовное состояние отдельной личности и общества в целом, в этом случае сущность одиночества проявляется в утрате чувства человеческой общности и солидарности.

7. Для целостного осмысления одиночества необходим комплексный подход, интегрирующий знания и методы различных наук. Философско-культурологический анализ одиночества предполагает изучение феномена во всей полноте его философских, культурно-исторических, социально-психологических, личностных и ситуативных характеристик.

Апробация результатов исследования.

Материалы диссертации обсуждались на заседании кафедры философии и культурологии ИППК - Республиканского гуманитарного института Санкт-Петербургского государственного университета. Основные положения диссертационной работы излагались автором в выступлениях на четвертом Российском философском конгрессе «Философия и будущее цивилизации» (Москва, 2005), а также на научных конференциях «Новый человек: печаль и радость существования» (Новочеркасск, 2004), «Человек постсоветского пространства» (СПб., 2005), и представлены в четырех научных публикациях по теме исследования.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, содержащих четыре параграфа, заключения и списка использованных источников и литературы, включающего 258 наименований.

Основное содержание диссертации

Во введении дается обоснование актуальности избранной темы, раскрывается научная новизна работы, обозначаются объект и предмет, формулируются цель и задачи исследования, отмечается теоретическая и практическая значимость диссертации, оценивается степень ее научной разработанности, представляется методологическая база, выдвигаются положения, выносимые на защиту.

Глава первая «Философско-методологическое осмысление феномена одиночества» состоит из двух параграфов. *Первый параграф* посвящен рассмотрению истории становления проблемы одиночества в философской культуре.

Смысловое пространство понятия «одиночество» постоянно развивается, отражая в своем содержании знания о мире и о себе на каждом историческом этапе. Чем выше общечеловеческий уровень освоения и объяснения объективных и субъективных реальностей, тем содержательнее становится и само понятие одиночества.

Изучение произведений античных авторов (Платона, Аристотеля, киников, римских стоиков) показывает, что одиночество, с одной стороны, наделяется чаще всего негативными характеристиками. Однако, с другой стороны, наблюдается и иное отношение к одиночеству в позднеантичной культуре, когда оно выступает уделом узкого социального круга людей - мудрецов и философов. Одиночество, допустимое в античном обществе, есть интеллектуальное одиночество. В этом случае одиночество выступает позитивным началом. Мудрец как образ одинокого человека и идеал античной философии проявляется в двух формах. Во-первых, ощущающий одиночество как ущербность собственной самости, как изъян, не позволяющий ему быть внутри жизни полиса или иметь дружеские связи, удерживающие от падения в одиночество. Во-вторых, одинокий мудрец, стремящийся к достижению идентичности с Истиной, беседующий с божественным уровнем «Я».

В эпоху средневековья возникает новое понимание феномена одиночества. Согласно этому пониманию, все люди, несмотря на повседневное общение, пребывают в глубоко и неизбывном одиночестве своей душевной жизни. Христианство предоставляет уникальный опыт одинокого богочеловека - Иисуса Христа, и предлагает каждому

человеку, пребывающему в поиске божественных истин, следовать его примеру от рождения до смерти, накапливая в своей жизни опыт религиозного одиночества. Признание необходимости религиозного одиночества прослеживается в средневековых философско-теологических трактатах, в частности в трудах Блаженного Аврелия Августина. Одиночество у Августина Блаженного выражается в идее отчуждения человеческой сущности от Бога. Согласно философу, человеческая душа постольку одинока и несчастна в этом посюстороннем мире, поскольку не ведает Бога.

С завершением средневековья философская мысль все больше обращается не к абсолютному и вечному Богу, а к самому человеку, к его универсальной сущности. Проблемы личности становятся центром и целью всякого познания и мышления в целом. Для многогранной личности Нового времени, осознавшей свою уникальность и не отождествляющей себя ни с одной из предметных и социальных ипостасей, одиночество становится насущной потребностью и начинает оцениваться как проявление созидательного и нравственного начал в человеке, и связываться с продуктивной деятельностью человека. Такое понимание проблемы одиночества развивается в и трудах Ф. Петрарки, Л. Б. Альберти, Л. да Винчи, М. Монтеня.

Постигнув свою индивидуальность и автономность, индивид начинает чувствовать свою незначительность в сравнении с окружающим миром, со всем тем, что не входит в его «Я». В результате у него возникает ощущение одиночества и потерянности в мире, отстраненности от других. Человек оказывается неким «робинзоном» в бесконечности пространства Вселенной. Пусть человек снова подумает о себе и сравнит свое существование со всем сущим, пусть почувствует, как он затерян в этом глухом углу Вселенной, - восклицает Блез Паскаль. С точки зрения французского мыслителя, одиночество отражает внутренний разлад человека с самим собой, воспринимаемый им как неполноценность своих отношений с миром, как потеря всякой надежды и разочарование в любой возможной перспективе. В одиночестве высвечивается опустошенность внутреннего мира человека. Таким образом, одиночество, порожаемое субъективными и объективными причинами, оказывается необходимым для самоуглубления и в свое «Я» и для преодоления пустоты и бездны души человека.

Мотив атомарности индивида, выраженный Паскалем, продолжает в своей монадологии Г. В. Лейбниц. Философ подчеркивает, что монады - простые индивидуальные субстанции - не имеют «окон», то есть они лишены способности к взаимодействию с другими монадами. Это утверждение Лейбница, с точки зрения А. Рено, приводит к онтологическому продвижению индивидуалистической темы независимости. Человек становится полностью свободным от внешнего влияния - Бога, природы, других, и способен управлять самим собой посредством своего разума. Понятия «автономности» и «независимости» человеческого индивида связываются в Новое время с рациональностью. Именно благодаря разуму человек может существовать как индивидуальность, постигать себя как личность, и вместе с тем вступать в коммуникацию и нравственные отношения с другими людьми.

Однако силы разума оказываются под сомнением. Этому во многом способствуют социально-экономические и политические факторы: американская война за независимость, цикл буржуазных революций в Западной Европе, становление рыночной и либеральной идеологии, промышленный переворот. «Царство разума» оборачивается господством буржуазии, а общественное сознание охватывает проблема противоречия идеала и действительности. Это противоречие становится лейтмотивом романтизма - общекультурного движения, порожденного реакцией первой четверти XIX века.

Присущее культуре Нового времени признание высокого ценностного положения личности вытекает в романтизме в идею ее неповторимости и уникальности. В ранг идеала романтиками возводятся незаурядные и выдающиеся личности, люди, проникнутые божественным началом и всю жизнь свою строящие сообразно с этим

сознанием. Наиболее полное выражение этого взгляда прослеживается в сочинениях Томаса Карлейля, провозгласившего культ героической личности.

Романтическое понимание проблемы одиночества отражено в философии американского трансцендентализма, главными представителями которого являлись Ральф Эмерсон, Генри Торо. Согласно их учению, мир подчиняется неким трансцендентным идеальным силам, которые пронизывают бытие природы, проявляя себя в красоте девственного ландшафта. Каждое существо, и, прежде всего, человек, наделяется огромными полномочиями, главным из которых становится его полная индивидуальная автономия по отношению к обществу и миру в целом. Ни государство, ни бог, ни что-либо иное не имеют верховенства над человеком, который самоценен вне зависимости от внешних обстоятельств. Внутренний мир человека рассматривается как монадический макрокосм, занимающий важнейшее положение в структуре мира. Погружение в этот макрокосм раскрывает перед человеком возможность подлинного общения со сверхдушой и через это с другими людьми. Такое погружение в себя и самораскрытие есть «духовное одиночество», которое ведет к возвышенности.

Творчество двух философов и выдающихся представителей европейской культуры XIX века - Фридриха Ницше и Серена Кьеркегора - знаменует вступление западного философского сознания в эпоху позднего романтизма и его переход к экзистенциализму. «О, Одиночество! Ты отчизна моя, одиночество!», - восклицает ницшеанский герой Заратустра, странник, побывавший в бесчисленных городах, находившийся долго среди людей, но разочарованный в них и измученный, возвращался домой, в свое единственное пристанище - одиночество. Образ Заратустры во многом выражает мировосприятие самого Ницше. Похожим мироощущением обладает и Кьеркегор, предпочитающий вести уединенный и отстраненный от людей образ жизни.

Обоих мыслителей можно назвать романтиками. Однако их романтизму чужд оптимистический дух ранних романтиков и американских трансценденталистов. Их романтика заключается в крайне резком неприятии современной им жизни, разочаровании в принципах рациональности, целесообразности, научности познания мира, в бездуховности и ориентации на материальные ценности современного им общества. Этот печальный и пессимистичный романтизм приводит к обостренному чувству одиночества, присущему Кьеркегору и Ницше, к саморефлектирующему одиночеству.

Неприятие социального мира реальности предполагает поиск истинного и прорыв к подлинному бытию. Прорыв к подлинному бытию, с точки зрения данных философов, осуществляется только через состояние одиночества, обнажающее истинные грани субъективного существования. Согласно философии Ницше, данный прорыв есть восхождение к вечности, которое трактуется им в контексте продуктивного уединения. Но продуктивное уединение оборачивается болезненным тяжким одиночеством, поскольку в настоящем мире невозможно установить духовных отношений с людьми. Оба мыслителя находят путь преодоления чувства отчуждения и одиночества как «покинутости» в обращении к высшей инстанции бытия. У Ницше - это вечность сверхчеловека. Для Кьеркегора такой инстанцией является Бог. Следует предположить, что высшая инстанция бытия у обоих философов есть не что иное, как проекция их взаимосвязи собственного внутреннего мира на внешний мир. Интровертированная личность, существующая в субъективной самонизолации, чужда всякой социальности, обществу, что неизменно порождает одиночество. Такое понимание одиночества во многом предопределяет трактовку одиночества социальной философией XX века как своеобразной человеческой субстанции.

Таким образом, исторический экскурс в изучение проблемы одиночества выявляет, что на всем протяжении развития философской мысли феномен одиночества достаточно четко осознается, хотя и по-разному трактуется. Можно выделить два основных периода интерпретации самого понятия «одиночества». Первый период объединяет античную и средневековую философию. Одиночество здесь предназначено и позволено только для

узкой социальной группы - мудрецов, философов, отшельников, монахов. Одиночество предстает как уединенное погружение внутрь себя и последующее нахождение в глубинах «Я» высших трансцендентных оснований собственной самости. Второй период начинается с эпохи Возрождения, когда начинается процесс формирования и самопознания личности. Одиночество становится не столько религиозной, сколько светской темой для размышлений для более широкого круга людей. Философы начинают рассматривать проблему одиночества диалектически, выделяя положительные стороны в уединении и отрицательные стороны в одиночестве как изоляции. Осмысливается творческое созидательное начало одиночества. При обширном диапазоне трактовок феномен одиночества понимается как одна из граней человеческого бытия, но остается сутобо индивидуальной проблемой отдельного человека.

Во втором параграфе рассматриваются и анализируются современные методологические подходы к изучению проблемы одиночества. Концептуальные положения изучения одиночества заложены философскими подходами в начале XX столетия. Философское осмысление одиночества во многом способствует появлению интереса к теоретическому изучению проблемы одиночества в психологии, социологии.

Одним из первых к исследованию проблемы одиночества приступает экзистенциальный подход. Странники данного подхода (Н. А. Бердяев, Л. И. Шестов, М. Бубер, Ж.-П. Сартр, А. Камю, К. Мустакас) считают одиночество необходимым и неотъемлемым компонентом экзистенции человека. Одиночество принадлежит к «пограничным ситуациям», без которых человек не достиг бы подлинного существования в мире. Через одиночество человек постигает не только смысл жизни, но остро переживает и осознает свою личность, свою уникальность. Согласно экзистенциальному подходу, одиночество непременно предполагает существование «другого» и «других». «Я» одиноко не столько в своем собственном существовании, сколько перед «другими» и среди «других», в чуждом «мне» мире. М. Бубер утверждает, что «одиночка есть факт экзистенции поскольку, постольку он вступает в жизненное отношение с другим одиночкой». Однако основополагающим фактом человеческого существования является состояние «человек с человеком». Таким образом, странники экзистенциального подхода, исследуя феномен одиночества, связывают его с проблемой общения. Одиночество понимается ими как утрата подлинного общения, взаимодействия человека с человеком, как потеря общности и духовного единства. Преодоление состояния одиночества видится ими в попытках обретения человеком своей подлинной сущности и нравственного единения человечества.

Наряду с экзистенциальным подходом следует указать феноменологический подход, который рассматривает одиночество, прежде всего, как переживание, как внутреннее чувство человека неотделимое от жизненных связей, отношений людей. В феноменологической модели достаточно полно раскрывается содержание изучаемого феномена, но практически не обращается внимания на то, какие факторы влияют на тот или иной вид одиночества, не объясняется, почему возникает и к каким последствиям может привести одиночество.

Психологический подход помогает не только понять, но и объяснить сущность одиночества как психологического феномена. В своих исследованиях представители этого подхода (Дж. Зилбург, Г. Салливан, Ф. Фромм-Рейхман и др.) исходят, как правило, из клинической практики, и поэтому склонны рассматривать одиночество как результат внутриличностных и межличностных конфликтов, то есть как патологию. В связи с этим, основное внимание уделяется вопросам одиночества как внутреннего специфического переживания, вопросам длительности протекания одиночества, формы проявлений, преодоления (психотерапии) одиночества. Ценность психологического подхода для исследования проблемы одиночества состоит в изучении внутриличностных причин возникновения данного феномена.

В противоположность психологическому, социологический подход акцентирует внимание на внешние социальные причины возникновения одиночества (ослабление связей в первичной группе и увеличение семейной мобильности; увеличение плотности населения и экстенсивность контактов; увеличение социальной мобильности; ускорение темпов жизни; степень удовлетворения качеством жизни). Сторонники данного подхода расценивают это качество личности как продукт социальных сил. Отсюда следует, что причину одиночества они изначально помещают вне индивида. Формулируя свой подход, социологи основываются, прежде всего, на статистических данных, данных средств массовой информации о количестве одиноких людей. В рамках интеракционистского подхода одиночество понимается как отсутствие необходимых личностных интимных связей, и расценивается в целом как негативное эмоциональное состояние. Значимым основанием данного подхода для последующего исследования является рассмотрение проблемы одиночества в взаимосвязи ситуативных субъективных и объективных факторов.

Разнообразие методологических подходов к изучению одиночества не гарантирует выявление истинной природы одиночества, его сущности, причин. Таким образом, для целостного осмысления феномена одиночества необходим комплексный анализ, интегрирующий знания, методы нескольких подходов. На основании этого положения, автор делает попытку выявления философско-культурологической концепции. Культурологический аспект изучения одиночества предполагает анализ данной проблемы во всей полноте философских, социально-психологических, личностных и ситуативных параметров, рассматривая его как противоречивый феномен социальной и духовной жизни.

С культурологической точки зрения, одиночество есть имманентная человеку форма сознания. Сознание как феномен человеческого существования проявляет себя в многообразии своих форм. Часть таких форм сознания человек приобретает в результате как объективного, так субъективного развития. Другие формы сознания имманентны человеку и обусловлены его сущностными признаками. Безусловно, таким экзистенциальным свойством является социальность. Однако человек не может быть полностью растворён в обществе, поэтому ему присущи и оппозиционные имманентные формы существования, которые обуславливают соответствующие формы сознания. К их числу относится и одиночество. Важно отметить, что одиночество не просто специфическая форма сознания, это акт и продукт самосознания. Именно в одиночестве начинает развиваться рефлексивное мышление и процесс самопознания, нарастает ощущение идентичности человека. В данном случае идентичность представляется как ощущение человеком собственной неповторимости, уникальности своего жизненного опыта, задающее некоторую тождественность самому себе. Ценность одиночества в этом случае заключается, прежде всего, в необходимости ощущения свободы внутреннего духовного самоопределения и ощущения своей самодостаточности и достоверности собственного бытия.

Одиночество - это социальное явление. В человеке как существе, исторически развивавшемся в больших группах, филогенетически закрепились потребность к постоянному общению с себе подобными, потребность связи с окружающим миром. Ощущение сплоченности с другими или социальной идентичности придает чувство общности с какими-то моральными ценностями, символами, социальными стандартами, чувство принадлежности к каким-либо социальным группам. При всем желании человек ни может описать себя иначе как путем указания каких-то групп, к которым он принадлежит (пол, возраст, социальная принадлежность, род занятия и т. д.) и с которыми соотносятся его индивидуальные свойства. Между тем, необходимо подчеркнуть, что эта связанность с другими, как это было отмечено выше, отнюдь не равнозначна физическому контакту.

Таким образом, феномен одиночества непосредственно связано с процессами социализации и индивидуализации личности. Это - два магистральных и взаимодополняемых пути развития личности. В них отражаются и две противоположные потребности, испытываемые человеком: с одной стороны, это потребность в общении и стремление избежать одиночества, с другой стороны, потребность в уединении, обособлении, добровольном стремлении к одиночеству. Все это обуславливает сложность и противоречивость феномена одиночества. Именно поэтому его не следует трактовать однозначно и наделять его либо только негативными и деструктивными характеристиками, либо только позитивными. Как утверждает Н. А. Бердяев, «одиночество не есть явление однородное и однокачественное». Такое диалектическое свойство феномена одиночества обуславливает его культурную ценность, поскольку любое противоречие есть толчок к развитию. Поэтому, одиночество ценно, ибо потенциально содержит в себе момент творения. Во-первых, в момент своего одиночества человек творит самого себя, во-вторых, он творит культуру: систему идеалов и ценностей, наконец, пребывая в одиночестве, он создает произведения искусства.

Феномен одиночества имеет ярко выраженную особенность, обусловленную культурной спецификой. Есть вполне определенные исторически сложившиеся формы одиночества, а также культурные традиции и способы отношения к одиночеству и его переживанию. Особенно разительны отличия сложившиеся в западных и восточных культурах. Эти различия существуют не только в философских описаниях, религиозных традициях, но они закреплены в традиции семейных отношениях и воспитании детей, нормах культуры общения. Свообразие в понимании одиночества связано, прежде всего, и с ментальными архетипическими чертами и ценностными ориентациями, типом личности или образом человека, характерными для той или иной культуры.

Одиночество в восточных культурах воспринимается как состояние уединенного, углубленного в самопознание духа своего личного «Я», а дистанцирование «от пут той жизни» является неперменным условием обретения себя. Европейская культурная традиция утверждает человека автономным субъектом деятельности, подчеркивает, прежде всего, его единство и цельность «Я» во всех его проявлениях. Синонимичным атрибутом такого понимания личности является индивидуализм как установка на самозначимость уникальной человеческой жизни и высшую ценность интересов отдельного человека. Под одиночеством часто подразумевают индивидуализм в мировоззрении, свободу выражения своих идей и взглядов, автономность в поведении, деятельности. Одиночество в западной культуре есть психологический механизм обособления, необходимый для становления «самости» индивида.

В русской культурной традиции «сознание-Мы», как правило, всегда превалирует над «сознанием Я». Не являясь самоценностью, личность растворяется в корпорации, государстве, общине. Русский человек, поэтому скорее ощущает единство социума, к которому он принадлежит, чем себя в социуме. Но ощущая единство с коллективом, он не чувствует себя его частью. Однако в то же время он вверяет свою судьбу социуму или государству, избавляясь от ответственности за свою судьбу и саму жизнь. На этой основе происходит отчуждение человека и общества, усиливающееся тем обстоятельством, что человек не испытывает потребности чувствовать себя личностью. Поэтому при внешнем единстве человека и социума последний всегда чужд русскому человеку, но одновременно только в нем он чувствует себя уютно и комфортно.

Склонность русского народа к общинности, соборности и другим разновидностям коллективистского общественного строя и целостного массового умонастроения во многом предопределены менталитетом русской культуры. Характерными особенностями ее выступают бинарность, антиномичность, нерасчлененная целостность мировосприятия, максимализм устремлений, часто оборачивающийся социальным религиозным нравственным и эстетическим радикализмом, эсхатологизм и неизбывный утопизм социокультурных проектов. Согласно некоторым отечественным мыслителям (Н. А.

Бердяев, Г. Д. Гачев), значительное влияние на менталитет русской культуры оказали природные предпосылки. Как отмечает Бердяев, «необъятность русской земли, отсутствие границ и пределов выразились в строении русской души». Таким образом, учитывая своеобразие русского менталитета, закономерно предположить, что для российской традиции характерно, главным образом, понимание одиночества как разрыв социальных связей, утрата чувства человеческой общности и социальной идентичности.

Глава вторая «Феномен одиночества в русской культуре XX века» состоит из двух параграфов. *Первый параграф* посвящен рассмотрению проблемы одиночества в русской культуре начала XX века.

Концепция одиночества входит в русскую культуру вместе с развитием индивидуалистической идеологии, когда идея личности становится существенной чертой общественного и художественного сознания. Истоки развития индивидуализма в России возникают еще в первой трети XIX века. Углублявшийся кризис феодально-крепостнической системы, кризис дворянской революционности (декабристское восстание 1825 года), падение авторитета не только религиозных верований и догм, но и просветительских идей ставят под сомнения традиционные общественные идеалы и взаимоотношения личности и общества. В этот период начинается период брожения ценностных ориентиров и духовных основ общества, хотя идея соборности и коллективности достаточно прочны в сознании русской интеллигенции.

Зримым воплощением данной идеи является русская община, которая представляет собой продукт экстенсивного типа существования в традиционном обществе и вместе с тем связана с неотвратимыми потребностями выживания в практически бескрайнем жизненном пространстве. Соответствуя таким потребностям, эта социальная структура и связанные с ней ценности в течение длительного времени рассматриваются в отечественной общественной мысли как один из столпов русского образа жизни. Помимо общинности и социалистичности, можно отметить прямо противоположную особенность, характерную для российской ментальности. С одной стороны, русского человека тянет к соборности и коллективности, с другой стороны, по-видимому, не находя полного удовлетворения в общинности, он осознает свое полное одиночество, которое проявляется в различных формах, в частности, в анархичном бунтарстве, неистовом стремлении к свободе, нигилизме, непробудном пьянстве и т.п. Как считает И. В. Кондаков, внутренняя двойственность менталитета русской культуры определяет всю логику ее исторического развития, ее маятниковые колебания от одной крайности к другой, так как «вырабатывает устойчивое стремление вырваться из плена дуальных противоречий, преодолеть внутренне-конфликтную бинарную структуру «скачком», ... «взрывом» - за счет резкого, решительного перехода в новое... качество».

К началу XX века, назревшие внутренние противоречия русской культуры обуславливают ее новый «переход». В послереформенной России обостряется политический кризис, выявляющий неспособность власти разрешить все конфликтные ситуации. Развиваются новые формы экономических отношений, влекущие за собой нарушение привычного уклада патриархальной жизни. Разрыв традиционных общинных связей усиливает процесс маргинализации и социальной дифференциации населения. Трансформируются ценностные ориентиры, идеалы и нормы духовной культуры. Определенную роль в модернизационных процессах играет ряд особенностей менталитета русского человека, в частности неразвитость личностного начала.

Предчувствие распада старой духовности и ценностной системы, предстоящего слома культуры и сознания становится характерным уже для многих писателей XIX века. Согласно утверждению Н. А. Бердяева, к началу XX-го столетия в России выработалась эсхатологическая душевная структура, предчувствующая катастрофы, выработалась особая мистическая чувствительность, другими словами сформировалось рубежное сознание. Рубежное сознание совсем не обязательно связано с временными пределами и историческими признаками. Под рубежным сознанием, главным образом, понимается

определенное состояние общественной жизни, философии, науки, искусства, политики, то есть всей культуры, в частности российской, которое моделируется и наполняется новыми смыслами. С точки зрения Л. Н. Толстого, век и конец века на евангельском языке не означает конца и начала столетия, но означает конец одного мировоззрения, одной веры, одного способа общения людей и начало другого мировоззрения, другой веры, другого способа общения. Однако, в России символические, культурно-мировоззренческие «рубежи» совпадают с временными историческими границами. Можно заключить, что концепция одиночества выражает наиболее характерный для «рубежной» эпохи тип взаимоотношений личности с миром. Она фокусирует психологическое состояние и сознание человека рубежной эпохи - ощущение заброшенности, затерянности, отчуждения, ничтожности, незащищенности перед масштабом социальных потрясений и перед глобальностью экзистенциальных проблем. Одиночество становится наиболее значимым состоянием, позволяющим материализовать трагическое мироощущение человека начала XX века, которое проявляется и в литературе, и в музыке (Скрябин, Рахманинов), и в живописи (Врубель, Петров-Водкин, большинство русских авангардистов), и в архитектуре.

Наиболее ярко концепция одиночества отражается в этот период в литературе, которая, как и в XIX веке, сохраняет роль художественного центра. Одиночество привлекает тем, что оно индивидуально и практически неповторимо: сколько людей - столько и вариантов одиночества. Данная тема разрабатывается как интимная, жизненная, социальная, психологическая ситуация; у многих поэтов она наполняется и глубоким экзистенциальным содержанием. Интересно отметить тот факт, что грани между темой одиночества как эстетической проблемой и жизненной судьбой самих художников этого периода очень зыбки, их практически нет.

Одиночество содержится в самой природе человека, это - его родовая черта. Оно есть проявление глубинного экзистенциального сознания. И трагично оно не более чем сама жизнь. Однако оно является совершенно необходимым условием для самоуглубления личности, для самопознания, для определения ее ценности: вне одиночества нет поэта, нет художника. Именно такой смысл одиночества вкладывают в эстетическую программу своего искусства теоретики и практики символизма.

В своих декларациях, в которых отчетливо слышны отголоски учения Ф. Ницше, русские символисты в качестве конечной цели своего движения провозглашают создание нового типа личности, свободной "и преображенной. Преображение человека представляется им возможным только благодаря одной магии искусства. Подлинная личность, согласно манифестам ранних символистов, это творец, художник, духовный аристократ, то есть человек, способный в Отличие от обыкновенных смертных созерцать, непосредственно постигать «символическую природу» всего сущего. Более того, это абсолютная индивидуальность, ни с чем не сравнимая и превыше всего ставящая свою единичность, особость, и потому обладающая правом на бесконечное свое «расширение» и «углубление». Формы этого беспредельного «расширения бытия» личности в творчестве - в стихах, в прозе и в поэтической практике - символистов выражены у каждого по-своему, но все они сходятся в том, что «закон Я» понимается как принцип самоценной «единичности», вполне независимой «от общего».

Исходя из анализа концепции одиночества в русской поэзии первой трети XX века, можно отметить, некоторые ее особенности. Во-первых, обозначенные выше версии темы одиночества у ряда поэтов доказывают, что характер и индивидуальная мера воплощенности ее различны. Универсальным является то, что она присутствует в творчестве каждого поэта, и проявляется как часть общей концепции искусства, природы, творчества и бытовой жизни. Во-вторых, концепции одиночества обнаруживает новые характеристики самой темы, известной и поэзии XIX века. Проблема одиночества фокусирует не столько драматические отношения художника с окружающим миром, сколько - с самим собой. Одиночество признается как величайшая ценность, а

способность к одиночеству отражает самоценность личности, и становится одним из условий самосохранения ее внутреннего мира. Наконец, концепция одиночества фиксирует усиление экзистенциализации русской литературы, что непосредственно связано с историческими, социальными, мировоззренческими процессами начала XX века.

Во втором параграфе дается представление о том, какое место занимает проблема одиночества в советской и постсоветской культуре. Октябрьский переворот 1917 года, положивший конец мировоззренческому и художественному стилевому плюрализму «серебряного века», порождает культурный советский монизм и приводит к новому этапу русской культуры. Этот процесс вполне закономерен и обусловлен рядом объективных причин: политических, социальных, экономических. Одной из причин установления социалистического общества и диктатуры большевизма является реакция на радикальный индивидуализм, бродивший в общественном, художественном и философском сознании России на рубеже веков. В силу традиционного тяготения русского народа к коллективности художественная советская культура переориентируется с проблем уединенной в себя, в свой «микромир» индивидуальности на проблемы, страсти и конфликты социального «космоса» и врывающей его по-новому личности.

Таким образом, с установлением советской идеологии человек лишается своего «права на одиночество», права на личную свободу. Ведя активную борьбу со всем буржуазным, со всем частным, индивидуальным, официальная идейная политика советского государства производит попытки изжить одиночество в сознании людей, однозначно оценивая сам факт одиночества как проявление буржуазно-пессимистического мировоззрения.

Социальная дистанция между человеком и обществом, обеспечивающая свободу для созидательно-творческой индивидуальной самореализации человека, максимально сближается и стягивается. По утверждению В. С. Барулина, каждый человек в советском обществе жил, мыслил, действовал в поле интенсивного воздействия партийно-государственного абсолютизма. Вся его жизнь во всех моментах его выбора и деятельности, так или иначе «пропитана» советской системой организации регулярности и контроля. Советское общество превращается в «мир без социальной дистанции». Происходит нивелирование индивидуально-личностных качеств человека. Индивидуальность как таковая вообще оказывается неудобной для тоталитарного общества, поскольку она всегда несет в себе элемент непредсказуемости.

Идеальным образом человека становится коллективный или социальный человек, у которого «социальное Я» доминирует над всеми другими слоями личности. Такой тип личности ощущает себя не как самодостаточную целостность, но как частицу чего-то большего - группы, партии, класса. Обладая крайне размытой индивидуальностью, такой человек чрезвычайно зависим от изменения параметров социального окружения. Потому, догматично веря в «принципы», он вместе с тем легко меняет их при изменении обстановки. Быть со всеми, быть таким как все - жизненный принцип социального человека, отлучение и изолирование от «своих» - самое страшное наказание для него. В этом отчетливо прослеживается дух коллективной первобытности.

В силу своей коллективности «социальный человек», согласно советским представлениям, надежно защищен от одиночества. Чем массивнее и монолитнее групповое образование, тем вернее и комфортнее чувствует себя в нем человек. «Социальный» человек, формируемый советской идеологией, мало совместим с образом писателя, со сферой художественной культуры, в силу того, что искусство - продукт индивидуального духовного усилия, и его освоение - глубоко индивидуальный процесс.

Громче всего ноты коллективистской идеологии звучат в пролетарской поэзии, явившейся в истории русской литературы невиданным массовым движением низовой полупрофессиональной культуры, скрепленным единством мировоззренческих устремлений, мотивов, образов. Главный мотив пролетарских творцов - идея коллектива

и идеал коллектива в пределе гигантского, всепланетного трудового преобразования земли. Две высшие цели преследует этот идеал - радикальное космическое обновление («новое солнце миру несет») и установление братского строя бытия. Пролетарские поэты осознают и представляют себя, прежде всего как провозвестников коллективистской веры: «Мы - мира первые пророки, Мы жизни радостной ткачи» (Ф. Шкулев «Мы. Пролетарские поэты», 1922). Это «мы» входит в многочисленные названия стихов и становится их главным лирическим героем. Однако, идеологические ориентации на унификацию, равенство, дарующее всеобщее счастье, внедряются в мировоззрение людей путем жесткого нормирования повседневной жизни и установки жесткого контроля. Это внедрение хорошо прослеживается в процессе трансформации быта и такой нормы повседневной жизни, как «дом». В русском языке слово «дом» имеет множество смыслов. Им можно охарактеризовать архитектурное строение практически любого назначения; систему хорошо организованного хозяйства и родовых связей; место, где духовная атмосфера наиболее комфортна для конкретной личности социальности. Как правило, ощущение своей уместности, уместности не только как чувство внутреннего психологического комфорта, но и как умение быть адекватным внешним условиям и структурам, позволяет человеку определить место или людей как свой дом.

В сознании русского городского человека еще в начале XX столетия понятие «дом» ассоциируется с индивидуальным жилищем, наличие которого считается нормой повседневной жизни, а понятие «быт» чаще всего связывается с представлениями о частной жизни. События октября 1917 года расшатывают эти устойчивые представления-нормы. В 1920-е годы при негативной оценке домашней, частной жизни широкое распространение получает толкование быта как «общественное хозяйство и потребление - человеческая солидарность - вместо семейного круга» (И. Ильинский). И хотя октябрьский переворот не претендовал на разрушение до основания семейно-домашнего быта, но силой исторических обстоятельств (война, разруха; «жилищный передел», и др.) частная форма уклада жизни была загнана в «коммунальную квартиру».

Образ «коммуналки» становится символом советского общества - мира без социальной дистанции. Она представляет собой тип жилища, находящегося в распоряжении сразу нескольких граждан, некое сообщество людей, вынужденных проживать вместе по непонятному принципу. Исследуя повседневную жизнь советского города, Н. Б. Лебина утверждает, что скученность в коммуналках порождает своеобразную зону особого напряжения, способствует усилению стрессов и повышенной агрессии. Этот факт находит свое подтверждение в художественной и мемуарной литературе, в частности, у И. Ильфа и Е. Петрова в описаниях быта коммунальной квартиры - «Вороньей слободки» в «Золотом тельнке». Следует, что коллективизм, возникающий в коммунальных квартирах на почве всеобщей нужды, приводит к нивелированию любых личностных различий и способствует формированию особого социалистического конформизма, свойственного стае. Повседневность коммуналок лишает живущих в ней людей того маленького кусочка скрытой личной жизни, к которой так тянется человек, лишает его права на уединение, загоняя одиночество индивидуума в потаенные глубины его «Я».

Убогость и однообразность деприватизированного быта и преобладание публичного, социального пространства в жизни советского человека отмечают и иностранные мыслители-путешественники, посетившие СССР, в числе которых, Вальтер Беньямин и Андре Жид.

Однообразие в повседневных практиках означает и духовное и идейное единообразие. Официальная, легитимная система духовных ценностей навязывается обществу как единственно верная и обязательная. В данных условиях ни о каком плюрализме мнений, ни о каком свободомыслии не может быть и речи. Идеологическая нетерпимость и догматизм порождают атмосферу духовной одномерности и бесконечной осторожности, когда речь заходит об открытом выражении мнений.

Однако история человеческого общества свидетельствует, что культурный плюрализм неистребим. В России с давних времен сложилось, что всеобщий идеологический контроль государства, при котором малейшее отклонение от догмата расценивалось как преступление, загоняло вольную мысль в «подполье» (А. Фадин). В условиях тоталитарной целиности, социально-политической монолитности советская культура обнаруживает свои специфические формы проявления культурного плюрализма: «латентное» катакомбное искусство; диссидентство; самиздат и тамиздат; андеграунд и т.п. Особенность их заключается в интеллектуальной свободе, неприятии официальной идеологии и художественного конформизма.

В 1960-е годы катакомбное искусство выходит на поверхность. Знаменитый доклад Н. С. Хрущева на «закрытом» заседании XX съезда партии 25 февраля 1956 года предопределяет начало процессов переоценки ценностей социалистической реальности и процессы преодоления духовной одномерности. Характерным свойством искусства, прежде всего, литературы этого периода становится внимание к человеку, его сущности, а не его социальной роли. Одними из первых угол зрения на человека изменяют писатели-деревенщики (В. Белов и В. Шукшин, В. Астафьев и Е. Носов, В. Распутин и Ф. Абрамов и др.): они открывают в обыкновенном деревенском жителе личность, способную к нравственному созиданию, показывая внутренний драматизм существования современной деревни, отражая неукорененность жизни крестьян.

В их произведениях находит свое отражение одно из противоречий советской культуры, а именно противоречие между ощущением человеком своего тождества, связанности со всем обществом и ощущением вакуумности своей индивидуально-личной укорененности. С одной стороны, благодаря партийно-государственной идеологии советского общества формируется особое мироощущение людей своей идентичности со всем социумом, своей слитности с ним. С другой, у советского человека возникает чувство своей индивидуально-личной неукорененности в этом обществе, что он как конкретный индивид имеет какую-то свою собственную точку опоры. Это - чувство своеобразной вакуумности, пустоты и одиночества. Эта связь масштабной социальной идентификации со всем социумом и вакуумности собственного бытия вполне закономерна. Именно в какой мере и поскольку российский человек мог ощущать свою сопряженность со всем социумом, в такой же мере и постольку у него не было острой потребности в какой-то развитой личной укорененности. И наоборот, поскольку этой укорененности не было, постольку и потребность в особой сопряженности со всем социумом была особо востребованной и необходимой.

Проявлением крайнего индивидуализма в тотальном омассовленном обществе является поэма Венедикта Ерофеева «Москва - Петушки». Пространство мира ощущается через преломление в сознании героя, через муки его души, и отражается в самом способе повествования - внутренне диалогизированного монологе. Венечка Ерофеев, персонаж поэмы - социальный изгой, маргинал, но он не просто люмпенизированный человек с духовными установками. Его свобода от службы, профессии, постоянного места жительства, оболочающей и накрепко привязывающей власти дома, быта, семьи есть не выпадение из социума, а попытка экзистенциальной свободы духа, страдающего от несправедно устроенного мира и собственного несовершенства и потому живущего на крайнем пределе сил и возможностей. Отсюда и его беспорядное пьянство как защитная реакция от пошлости и суетности бытия. Страдания одинокой души героя от закабаленности, зашлакованности, несвободы сознания своих соотечественников-современников так велики, что единственный способ их облегчения - слова правды устами юродивого-пьяницы, социального изгоя.

Индивидуализм и отчужденность обостряются в сознании советских людей в процессе развивающейся урбанизации. Художественной иллюстрацией радикальной индивидуализации сознания является повесть известного отечественного писателя Владимира Маканина «Один и одна». Эта повесть как некое поле одиноких

существований, которые не способны понять и принять друг друга, представляет собой монологи героев, которые не слышат никого, кроме себя.

Тем не менее, человек как существо социальное нуждается в обществе. Анализируя феномен одиночества в контексте проблемы личности-общества, в контексте противостояния холистских и индивидуалистических ценностей, следует заключить, что одиночество как форма самосознания личности, как пространство индивидуальной свободы самореализации человека, необходимо для благополучного развития не только человека, но и самого социума.

В постсоветское время проблема одиночества еще более усиливается и приобретает углубленные формы. В связи с распадом Советского Союза разрушаются партийно-государственная идеология, соответствующая ей система ценностей, влекущие за собой духовный вакуум. Крах всеохватывающей системы, крушение всеобщего огосударствления общества, появление частной собственности, первые шаги на пути становления гражданского общества, демократизма, гласности, плюрализма мнений - все это размывает общественный мир без социальной дистанции и приводит к коренным изменениям отношения человека и общества. Общество в лице его новых складывающихся институтов перестает охватывать и контролировать все стороны частной жизни каждого человека. Это своеобразное расхождение российского человека и общества, «отказ» общества от решения многих проблем и «перенос» их на самого человека имеют, безусловно, болезненные последствия для россиян. Вся ментальность российского народа, сформированная как в дореволюционные годы, так и в советские годы, как бы восстает против этого расхождения. Многие люди воспринимают данное расхождение человека и общества как путь к человеческому одиночеству, изолированности, заброшенности. На характер такого обостренного восприятия влияют глубокие традиции русской общинности, слабо развитое личностное начало в ментальности российского человека.

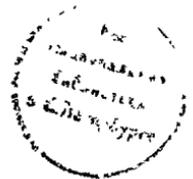
Современная культурная проблема состоит, с одной стороны, в воспитании чувства свободы и независимости индивидов, а с другой стороны, в воссоздании прочной социальной ткани, сотканной из близких и сильных человеческих взаимоотношений. Проблема одиночества, которая обостряется и на Западе, в России оказывается особенно серьезной по причине разрушения как частных, так и социальных пространств. Российский индивидуализм имеет тенденцию к маргинализации, что грозит распадом не только большому социуму, но и малым общностям - семье, профессиональному коллективу. Эта проблема, несомненно, должна учитываться отечественными теоретиками гражданского общества.

В заключении подведены основные итоги исследования, сделаны обобщения и выводы, обозначены перспективы дальнейшего изучения данной проблемы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Алейникова О. С. Одиночество как экзистенциальная ценность человека // *Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского Философского конгресса (Москва, 24-28 мая 2005 г.)*: В 5 т. Т. 4. М.: Современные тетради, 2005. С. 7-8.
2. Алейникова О. С. Влияние культурного кризиса на проявление социального одиночества в современной России // *Человек постсоветского пространства: Сб. материалов конференции. Вып. 3.* / Под ред. В. В. Парцвания. СПб.: Санкт-петербургское философское общество, 2005. С. 69-76.
3. Алейникова О. С. Мудрец - одинокий человек античной культуры // *Философия. История. Культура: Межвуз. сб. Науч. тр. Вып. 6.* / Под ред. Б. В. Чернышева. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2005. С. 171-178.
4. Алейникова О. С. Одиночество в истории философской мысли и российской культуре // *Парадигма: Очерки философии и теории культуры. Вып. 1.* / Под ред. проф. М. С. Уварова. - СПб.: Издательский полиграфический центр «Барс», 2005. С. 20-26.

12 1497 2005

Подписано в печать 21.06.2005 г. Формат бумаги 60*90 1/16. Бумага офсетная.
Печать ризографическая. Тираж 100 экз. Отпечатано в ПК «Объединение Вента»
с оригинала макета заказчика. 197198, Санкт-Петербург, Большой пр. П. С, д. 29а

840